

УДК 735.29.(32)

**АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНОЕ ПОНИМАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ
ПОСЕЛЕНИЙ. АРХИТЕКТУРА И КОММУНИКАЦИОННЫЙ ДИЗАЙН****Атаманов А.В.****Научный руководитель — профессор Геращенко С.М.*****Сибирский федеральный университет, г. Красноярск***

Способность ориентироваться когда-то была залогом выживания для человека. Чтобы не заблудиться, охотники и собиратели должны были уметь читать звериные следы, идентифицировать запахи и определять свой путь по природным ориентирам. Солнце и Луна, а также звезды помогали людям ориентироваться в пространстве и во времени. С появлением оседлого образа жизни - около 6 тыс. лет до н.э. – функцию главных географических знаков начинают выполнять постройки и поселения. С течением времени люди перестали полностью зависеть от природы при определении направления: они начинают использовать для этого собственные следы и дорожные знаки. Человек создаёт собственную систему указателей. Сегодня, когда мы попадаем в незнакомый город, мы можем положиться на систему указателей и подсказок или использовать свою интуицию и попытаться «прочитать» то, что говорят нам окружающие здания. Однако современные стеклянные офисные призмы в большинстве случаев ничего не сообщают. Нередко мы оказываемся не в состоянии даже найти вход в здание, не говоря уже о том, чтобы получить какие-то сведения об окружающем пространстве. Архитектура в начале XX столетия провозгласила своей задачей выражение в форме здания его индивидуальной функции. С этого момента здания стали говорить только о себе, но, увы, не так уж много. Они практически молчат. В качестве знаков и индикаторов используется все, кроме самих зданий. Причина такого положения дел состоит в том, что «сегодня архитектура ориентирована не на решение насущных проблем, а на создание прекрасной видимости. Как музыка, архитектура стремится продемонстрировать нечто абстрактное, донести до зрителя некое отвлеченное послание».

В прошлом план и вся композиция города были очень простыми. Церковь, ратушу, рыночную площадь можно было безошибочно идентифицировать – конфигурация и стиль этих построек ясно отражали их содержание. В городском ландшафте четко проявлялись политическая структура города и наиболее важные очаги его общественной жизни. В 1516 году политик и гуманист Томас Мор характеризовал города следующим образом: «Кто знает один город, знает их все – ибо все они подобны друг другу». Архитектуру города конструировали его административный центр (ратуша), собор, а также замок или монастырь, располагавшиеся на возвышенности. Архитектурные символы религиозной и политической власти разных городов конкурировали между собой. Город был зеркалом своей провинции и страны, позволяя судить о характере политических и экономических отношений в ней. Замок, пожалуй, – наиболее наглядный пример отражения в архитектуре функциональной схемы. «Слуги работают там, где живут господа. Враг направляет свою атаку туда, где стоят дворцы. Какая форма безотказно привлекает внимание публики, Башня, городская стена, машикули, камин, окно и крыша всегда были информативнее, чем декор, следующий вкусу времени», – писал Отл Айхер. Город как политическое целое артикулировал себя через все здания, составляющие его плотность. С приближением Нового времени город приобретает сходство с театральной сценой, где реквизит и декорации служат для привлечения внимания зрителей к различным моментам представления. При взгляде «сверху» конфигурация города дает базовое руководство по навигации, получив которое сориентироваться в его улицах уже совсем не сложно. В прошлом все многочисленные повседневные действия

осуществлялись в опоре на непосредственное восприятие. Наше поведение изменилось с тех пор не так уж сильно, как заметил Роберт Вентури [Robert Venturi] в своем знаменитом анализе Лас-Вегаса, «окончательное решение сделать покупку все еще приходит в момент, когда мы видим пирожное своими глазами в витрине или ощущаем его аромат через открытую дверь кондитерской». Плотность исторического города создавала благоприятную среду для интенсивного устного общения. Улицы были постоянно заполнены людьми, для которых они служили непосредственным продолжением их частного жизненного пространства: между внутренней жизнью дома или двора и общественной жизнью города не существовало выраженной границы. Улица была местом, где люди обменивались новостями, обсуждали злободневные вопросы, заключали сделки. Этот плотный контакт между жителями сохранялся до тех пор, пока жива была традиция еженедельных открытых рынков.

Ничто так не изменило облик и сам способ существования городов, как масштабные реконструкции городских уличных сетей, которые повлекли за собой радикальное изменение их функции. С появлением механизированного городского транспорта улицы перестали принадлежать пешеходам – они были завоеваны автомобилем, который постепенно изменил наш способ восприятия городского пространства и, как следствие, полностью трансформировал роль архитектуры. Сегодня ни у кого не вызывает удивления тот факт, что наиболее выдающиеся постройки в городе можно обнаружить только с помощью специальной схемы или путеводителя. Все регистрируется и наносится на карту и перестает быть частью живого опыта. По мере ускоренного роста городов люди все более отдаляются друг от друга, а само общество становится столь же анонимным, как и система городского транспорта. При этом специальные знаковые навигационные системы оказываются необходимыми в той степени, в которой архитектура впитывает в себя господствующее безразличие и анонимность. После десятилетий историзма, превращавшего городские кварталы в театральные декорации, навеянные эпохами романтизма и барокко, машинная эра стала диктовать совершенно новый стиль: в ответ на «автомобилизацию восприятия» появился небоскреб – соответствующий возросшим скоростям индикатор места – который не только знаменовал собой приход к власти нового стиля, но и претендовал на то, чтобы оптимально отражать новое ощущение жизни. Эрих Кэстнер [Erich Kastner] выразил это в короткой формуле: «Время ездит в автомобиле». Архитектура покорно бежала рядом – проблема охраны памятников, впервые поставленная только в середине XIX века, к началу XX еще не успела укорениться в общественном сознании. Переход от средневекового и барочного «самопонятного» города к городу современному, предлагающему людям свою интерпретацию (на рекламных щитах и т.п.), был неминуемым и неизбежным. «За прошедшие 700 лет мы заменили готический собор офисным небоскребом, чем предельно наглядно выразили естественное изменение нашей общественной системы», – писал политолог Ульрих Мац [Ulrich Matz]. Город изменил свой символический характер – отныне он стал слепком плюралистического общества, в котором нет непоколебимых авторитетов и вместо них действуют постоянно конкурирующие между собой факторы (концепции и проекты).

«Пожалуй, самый произвольный элемент нашей сегодняшней архитектуры – это пространство. В той же мере, в какой одержимость фрагментарной экспрессионистской архитектурой является выродившимся наследием декорирования и орнамента, пространство сегодня вытеснило собой формальный символизм», – писал Роберт Вентури. Все вертится вокруг того, чтобы удовлетворить «нашу жажду экспрессивного и оригинального пространства». Современная архитектура уже давно утратила способность быть однозначной. Из-за этого и возникает часто проблема необходимости «расставить маяки» в «море» однообразных домов. Однако требование «узнаваемости» может за-

вести на опасный путь. В обычных домах сегодня не всегда можно с первого взгляда определить, где находится вход. В облике и конструкции часто отсутствует иерархия элементов, которая выявляла бы внутреннюю жизнь здания, поднимаясь при этом до уровня эстетического высказывания. Вместо этого архитектура часто производит впечатление вводящей в заблуждение. После того, как архитекторы в начале XX века поставили перед собой задачу «преодолеть все стили, обратившись к сути» и решительно отвергли орнамент, современный постмодернизм (в полемике с модернизмом) превратил в орнамент даже то, что в традиционной архитектуре было структурной морфологической основой, на которую орнамент было принято монтировать. Согласно философии постмодернизма, мы живем в мире означающих практик. Архитекторы стараются «строить знаки», но понимают под этим скорее создание видимости, демонстрацию того, что та или иная постройка является уникальной в своем роде. Это путь неуместно расточительного использования пространства, на котором возникают с равной вероятностью как перегруженная помпезность и китчевые стилизации, так и драматизированная постная монументальность. Чтобы не пойти по этому пути, мы должны научиться отличать архитектуру, которая сфокусирована исключительно на своем зрелищном аспекте, на «чистой эстетике», от обладающего подлинной индивидуальностью здания, которое является осмысленным высказыванием и в глазах общественности, и по отношению к городскому контексту. Такая архитектура вновь берет на себя функцию ориентира и источника информации о жизни города, делая все дополнительные разъяснения избыточными. С этой точки зрения движение «новой простоты» (архитектурный минимализм) оказывается столь же мало приемлемым, что и его исторический оппонент – гипсовая декорация, поскольку под лозунгом очищения архитектуры «простота» ведет нас к еще большей неопределенности и двусмысленности. Здания, заставляющие людей останавливаться и рассматривать себя в деталях, безусловно содержат в себе некое информационное послание, которое может содержать и экскурс в историю. Конвенциональные знаки использовались как указатели с давних времен: от придорожных (верстовых) камней, рыцарских щитов и аристократических гербов до знаков и вымпелов ремесленных гильдий.

Удивительный и интересный проект на эту тему предложили голландские зодчие: генплан района Хаверляй. Проектировщики решили проблему однотипности поселков «историческим способом». Это группа жилых анклавов Хаверляй [Haverleijl]. Применение традиционной компактной градостроительной схемы, отсылающей к средневековому городу, совсем необязательно подразумевает оформление самих зданий в историческом стиле. Знаковость отдельных «замков» бесспорно поражает. Разные принципы градостроительного планирования одной территории и, более того, – разный подход к выбору архитектурного стиля. Все это говорит о необходимости пересматривать существующие каноны проектирования, ведущие нас в «бездну».